

ВВЕДЕНИЕ

Филиппова Елена Ивановна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Москва, Россия

E-mail: elena_filippova89@yahoo.fr

Le Torrivellec Xavier, доктор исторических наук, атташе по сотрудничеству в области среднего и высшего образования посольства Франции в Республике Беларусь. Минск, Республика Беларусь

E-mail: xavier.le-torrivellec@diplomatie.gouv.fr

С конца 1960-х гг. проблема идентичности будоражит европейский континент. Группы меньшинств начинают бороться за свои права, люди испытывают все более насущную потребность ощутить себя частью общности. Эти процессы усиливаются по мере того, как прошлые формы коллективного членства теряют прочность. Постепенное ослабление гражданского содержания понятия национальной принадлежности — проекта общего будущего — компенсируется повышенным вниманием к ее культурной и аффективной составляющей, к общему прошлому. Зарождающиеся повсюду течения неонационализма несут отпечаток традиционного расхождения в отношении к культурным различиям на Востоке и Западе Европы. Это расхождение отчасти объясняется разностью исторических судеб двух частей континента: в странах Восточной Европы, прежде входивших в состав трех империй — российской, австро-венгерской и османской, — хоть и не оставшихся в стороне от собственной современности индивидуализации, этничность сохранила значимость, вопреки попыткам построения национальных государств по образу и подобию Западной Европы. На поддержание и даже углубление этих противоречий работает научный дискурс, упорно противопоставляющий имперскую и национальную парадигмы, примордиализм и конструктивизм. Абсолютизация несходства в понимании коллективных идентичностей мешает заметить двусторонний процесс конвергенции между «гражданскими» и «культурными» нациями, общие тенденции, возникающие в ответ на вызовы глобализации и экзистенциальные тревоги нашего беспокойного времени. Задача научного сообщества заключается в преодолении

сложившихся стереотипов, установлении диалога с целью поиска новых инструментов анализа и выработки новых эпистемологий.

Диалог между учеными из России, Белоруссии, Австрии и Франции о различных формах идентичности в их странах — национальной, этнической, гражданской — был начат в феврале 2016 г. в Минске в ходе двухдневной обстоятельной дискуссии, организованной Посольством Франции в Республике Беларусь. Целью было обсуждение различий в понимании одних и тех же терминов, в постановке проблемы идентичности в западной и восточной (в границах бывшего СССР) частях европейского континента. Выбор Белоруссии в качестве места встречи был обусловлен как ее ролью дипломатического посредника между Россией и Евросоюзом в нынешней напряженной геополитической обстановке (в том числе в формате Минских соглашений по Украине), так и той особой двойной — славянской и европейской — идентичностью, которую активно формирует белорусское общество. Республика Беларусь — парадоксальная страна: наиболее «русифицированная» из всех стран, которые Россия привычно именуется «ближним зарубежьем», она в то же время самая «европейская» из них. Кроме того, процесс построения государства-нации в этой стране идет, по-видимому, наиболее успешно.

В дальнейшем к дискуссии заочно присоединились другие участники, что позволило расширить географические и тематические рамки обсуждения, в частности, включив в него остро актуальный случай Украины, страны, где уже четыре года идет абсурдная война, которой никогда не должно было быть. Война, которой нужно было избежать, и которую по-разному понимают и оценивают те на Западе, для кого русскоговорящий житель Украины по умолчанию является украинцем, и те в России, для кого он — также по умолчанию — русский.

Цель этой книги — сделать шаг на пути преодоления подобных непониманий. Ее задача — развенчание пропаганды, полной взаимных обвинений, не приближающих решение ни одной из проблем. Между «декадентской» Европой и «отсталой» Россией есть пространство для движения навстречу друг другу, и этот путь должны первыми проделать ученые, чья прямая обязанность состоит в том, чтобы помочь людям по разные стороны границ (а иногда и по разные стороны баррикад) услышать и понять друг друга, понять самих себя. Понять, что думает Другой и почему он так думает. Мы должны были лучше делать свою

работу, чтобы, возможно, не допустить тех катастрофических событий, которые произошли. Принято во всем обвинять политиков, но наступает момент, когда следует признать и свою долю ответственности. Иначе — для чего нужны исследования? Чего стоит исследователь, не стремящийся распутать узлы противоречий, которые, если этого не сделать, могут привести к войне? Истина рождается в диалоге, который невозможен, если одна сторона считает себя абсолютно правой и на этом основании пытается давать уроки другой. Какой смысл разговаривать с людьми, если мы знаем, что их убеждения ложны? Если кому-то кажется, что работа ученого состоит в том, чтобы разрушить смыслы, которые другие вкладывают в то, во что они верят, а не понять те причины, которые заставляют их в это верить, — это значит, что чувство собственного превосходства заслоняет ему реальность.

Позиция авторов данной книги — французов, россиян, белорусов, австрийцев, которых мы хотим горячо поблагодарить за участие в дискуссии, — не всегда совпадает с общепринятой в их странах. Часто их особая точка зрения ставит под сомнение господствующий взгляд на вопросы идентичности. Поэтому мы надеемся, что данный коллективный труд поможет скорректировать догматические представления, утвердившиеся в социальных науках наших стран, мешающие Европе понять Россию, когда она говорит о «наших» на Украине. Европейцы видят имперскую позицию страны, которая никак не может расстаться со своим прошлым, позицию авторитарного государства, которому не суждено стать «демократическим» до тех пор, пока оно не избавится от «имперских амбиций». Со своей стороны, Россия считает, что она наконец-то подняла голову после перенесенных в 1990-е гг. унижений, агрессивного расширения НАТО на Восток и «цветных революций». Политика Евросоюза, требующего от Украины сделать выбор между Россией и Европой, расценивается как провокация. Все эти геополитические аргументы — разменная монета пропаганды, которую обрушивают друг на друга Запад и Россия.

Для России Европа (и шире — Запад) издавна выступает в роли значимого другого, который и привлекает, и отталкивает, служит ориентиром для одних и антитезой для других. Эта амбивалентность проявляется «то в предельной открытости, то в замкнутости и изоляционизме, то в доходящей до самоотречения уступчивости, то в нежелании учитывать даже «разумные»

(с точки зрения партнера) аргументы» [Российская идентичность, 2007, с. 101].

В очередной раз маятник качнулся в сторону антизападничества на рубеже 1990—2000-х гг. и пока не достиг, судя по всему, крайней точки, после которой неизбежно начнется обратное движение. По данным исследований ИС РАН, если в 2002 г. 55 % опрошенных были согласны с тем, что Россия — это «часть Европы, которая органически принадлежит европейской истории и в XXI в. будет теснее всего связана именно с этой частью мира», и 45 % — что Россия не является в полной мере европейской страной, а представляет собой «совершенно особую — евразийскую цивилизацию, и в будущем центр ее политики будет смещаться на восток», то в 2016 г. за первое утверждение высказались 40 %, а за второе — 60 % [Горшков, Петухов, 2017, с. 100]. При этом в последние годы у россиян отмечается «стабильное доминирование ощущения отчужденности России от Запада»: почти 3/4 опрошенных уверены, что в Европе их «не любят» [Там же, с. 104].

На наш взгляд, корень проблемы — когнитивный диссонанс. Одни и те же слова имеют разное значение на Западе и Востоке Европы. По мнению большинства русских, украинцы и белорусы принадлежат к одному и тому же славянскому миру, к одному с ними культурному, религиозному и языковому пространству. В январе 2007 г., по данным репрезентативного опроса Левада-Центра, для 57 % россиян Украина не была «иностранным государством», так же как для 61 % таковым не была Белоруссия [Sedov, 2007, p. 22]. Такое представление имеет исторические корни, уходящие в глубину веков, и России трудно строить свою национальную идентичность без Украины — колыбели ее государственности. Эта идентичность и логически связанное с ней чувство долга и ответственности за судьбу «народов-братьев» рассматривается как признак морального превосходства над пребывающим в «упадке» Западом, и в этом контексте понятно, что вмешательство в дела Украины воспринимается многими в России как внутренняя политика, а не как «российская агрессия против независимого государства», как это видится на Западе. И было бы не только напрасным, но и опасным пытаться «деконструировать» эти — безусловно, примордиалистские — представления, которым россияне все еще привержены.

В то же время, украинцы и белорусы в построении собственной национальной идентичности обречены на утверждение своей отдельности, особенности, непохожести. Одни пытаются балансировать между Россией и Европой, для других, судя по всему,

на обозримую перспективу возможность такого равновесия закрыта — а Европа, между тем, не готова безоговорочно признать их «своими». Отсюда попытки написания альтернативных версий истории, создания собственного пантеона великих людей и национальных героев, но явно недостаточное внимание к необходимости национального примирения, выработки общего проекта, во имя которого стоит «жить вместе». Обратной стороной дискурсивного конструирования нации, акцентирующего представление об ее уникальности и однородности, с одной стороны, и огромной разнице с прочими нациями — с другой, является реификация национальной идентичности.

Однако правота конструктивистов в последние годы подвергается сомнению и событиями в странах Западной Европы, где в ответ на череду экономических кризисов, массовый приток мигрантов, утрату значительной части национального суверенитета и неконтролируемый рост влияния заокеанского партнера по НАТО, все чаще в своих действиях не считающегося с интересами европейцев, активизируются установки, которые можно квалифицировать как примордиалистские. Пробуждаются изоляционизм и ксенофобия, раздаются призывы к закрытию границ и исключению неблагонадежных «чужаков» из гражданства, правые партии стремительно набирают популярность на риторике противопоставления «наших» и «чужих», «коренных» и «мигрантов». Возникают идентитарные движения, особенно активные в молодежной среде. Эти явления наблюдаются вне зависимости от того, признает ли государство на своей территории этнические и культурные меньшинства (как Австрия) или отказывает им в признании (как Франция).

Сами меньшинства тоже находятся в поиске идентичности, причем, как показывают исследования и в России (на примере Башкортостана), и во Франции (на примере Бретани), для них характерно меньшее отторжение Другого и бóльшая терпимость к инаковости (видимо, этому способствует собственный опыт пребывания в ситуации меньшинства). Эта идентичность может быть инклюзивной, двухуровневой (не исключающей национальную идентичность), может стремиться к реализации национального проекта (эту тенденцию отражают следующие цифры: в 1960 г. в мире насчитывалось 80 государств со средней численностью населения 37,5 млн чел., а в 2000 — 200 государств со средней численностью 30 млн чел. [Grataloup, 2017, p. 379]) или реализовывать себя вне зависимости от привязки к территории, вписавшись с позитивным знаком в интернациональные рамки.

Как показывают собранные в этой книге тексты, дискурсы национальной идентичности, производимые политиками, журналистами, экспертным сообществом и отражаемые общественным мнением (и почти в той же мере порождаемые им) как на Востоке, так и на Западе, сближаются до неразличимости. Когда настоящее безрадостно, а будущее туманно и пугающе, прошлое остается единственным якорем, за который отчаянно цепляется человек. Чем больше в обществе таких людей, тем более востребован нарратив былого величия, славных побед, глубоких корней, истинных ценностей, возвращения к истокам. Чтобы удержаться на краю обрыва, за которым сползание в консерватизм, пессимизм и пессимизм, нужно не тосковать по утраченному, не искать виновных вовне (себя или страны), не копить взаимные обиды и не выставлять за них счета, не пытаться укрыться от окружающего мира за высоким забором или подчинить его силой оружия, а попытаться найти опору. Что может сыграть такую роль?

Как тут не вспомнить знаменитые слова И.С. Тургенева о русском языке, без которого было бы впору впасть в отчаяние? Ему вторит Альбер Камю: «У меня есть родина — это французский язык». И сегодня практически повсюду язык видится одним из столпов идентичности — «великий и могучий», как русский или французский, родной и домашний, как украинский и белорусский, исчезающий и нуждающийся в защите, как бретонский, редкий и уникальный, как исландский, воображенный, как австрийский... Сохранение и развитие родного языка, позволяющего выстроить собственную картину мира, сохранить уникальность культуры, передать ее следующим поколениям — цель, благородная сама по себе. Но язык действительно может стать виртуальной и экстерриториальной родиной, особенно благодаря современным средствам коммуникации, позволяющим вести диалог поверх национальных границ. Концепция «родства по слову», которое А. Городницкий противопоставляет «родству по крови», кажется предпочтительной по сравнению с пониманием языка как «мягкой силы». В утверждение такого родства весомый вклад могут и должны внести интеллектуалы, люди науки и искусства. Возможно, им совместно удастся сформулировать такое видение будущего, в котором на первое место будет поставлен человек, его жизнь и свобода. А найдется ли в этом будущем место национальным государствам в их нынешних границах или оно будет устроено как-то иначе — это уже не так существенно.

Библиография

1. Горшков М.К., Петухов В.В. (ред.) Российское общество и вызовы времени. Кн. 5. М.: Весь мир, 2017.
2. Российская идентичность в социологическом измерении: Аналитический доклад. Подготовлен ИС РАН в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Фридриха Эберта в РФ. М.: ИС РАН 2007. — С. 101.
3. Grataloup C. Sociétés à pattes et sociétés à racines : une géohistoire des mobilités de l’Ancien Monde à demain» / D. Garcia, H. Le Bras // Archéologie des migrations. Paris: La Découverte, 2017.
4. Sedov L. Les Russes et leurs «frères slaves»: Ukrainiens et Biélorusses // Études, 2007, — № 7. — Т. 407. — Pp. 20—28.